

С.А. Панарин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ВИКТОР САРИАНИДИ: ПОИСК КАК ЖИЗНЬ (статья-воспоминание о великом археологе)

Раскопав так называемое золото Бактрии, Виктор Иванович Сарияниди стал автором крупнейшей археологической сенсации 2-й половины XX в. Что важнее, он был первооткрывателем целой региональной цивилизации – «цивилизации Окса», или Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. В свое время автору посчастливилось провести с ним в одном отряде, одном экспедиционном лагере несколько полевых сезонов. О двух из них рассказывается в предлагаемом тексте, соединяющем признаки научной статьи и мемуарного жанра. Это завершающий сезон работ на энеолитическом памятнике Геоксюр-1 в Туркмении и раскопки на памятниках бронзового века Дашлы-1 и Дашлы-3 в Северном Афганистане. В обоих случаях читателю предлагается, во-первых, краткое описание этих памятников, во-вторых, их интерпретация, составленная преимущественно по работам В.И. Сарияниди, в-третьих, авторские воспоминания, с помощью которых вносятся небольшие дополнения в описания и интерпретацию. Однако основное содержание воспоминаний составляют те сопутствовавшие раскопкам впечатления и эпизоды, что позволяют увидеть В.И. Сарияниди как яркую личность – как человека, вся жизнь которого представляла собой творческий научный поиск.

Ключевые слова: Виктор Иванович Сарияниди, Туркмения, Северный Афганистан, Геоксюрский оазис, Дашлинский оазис, преданность археологии, жизнь как поиск.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-13

Введение

Археология – счастливая наука. Счастливая она потому, что разведки и раскопки могут одарить археолога результатом, неоспоримым в его наглядности, а значит, и особенно сильным по приносимому им ощущению. Это ощущение открытия *здесь и теперь*; и так же *здесь и теперь* приходит за ним счастье восторга от открытия, непроизвольно переживаемое еще до того, как подтвердится подлинность открытия, а с ним – и право на восторг.

Счастье это – того же свойства, какое во времена, когда карта Земли пестрела белыми пятнами, испытывали люди, посвятившие свою жизнь путешествиям в неведомые края, сбору коллекций неизвестных науке растений, поиску вымерших видов животных. Вместе с тем в счастье археолога есть и почти уникальная особенность. Возьмите любое по значимости археологическое открытие: находку в подъемке рафинированного по красоте ретуши кремневого наконечника; или раскрытие точными ударами ножа сырцовый стенки древнего дома, буквально «уловленной» в сырцовом же завале; или обнаружение сияющей минеральными красками древней фрески; или открытие новой археологической провинции/культуры... Каждое из них, от мизерного до эпохального, превращает археолога в со-творца прошлого. Сопоставимое ощущение *сопричастности* к будничным трудовым усилиям людей, давно умерших, и, если повезет, их воплощенным в величественных памятниках творческим свершениям испытывают, наверное, только реставраторы произведений искусства.

Сказанное выше основывается на ощущениях автора статьи, некогда отдавшего археологии семь лет жизни, да и потом до конца с ней не расставшегося. Они – сугу-

бо индивидуальные; но я убежден, что в той или иной мере их испытывали многие археологи. И именно ощущения счастья открытия и счастья со-творчества с людьми прошлого, особенно острые на фоне той длительной временной протяженности *long durée*, что соединяет акт древнего творения с его реификацией ножом или лопатой археолога, суть эмоциональные составляющие преданности археологическому поиску. Конечно, сила этой преданности, от которой зависит, будет ли любовь к археологии определять всю жизнь или со временем уйдет, может сильно различаться. В статье речь пойдет о человеке, оказавшемся преданным навсегда, в полной мере превратившем собственную жизнь в археологический поиск: о Викторе Ивановиче Сарияниди. Непосредственным поводом для ее написания послужило то обстоятельство, что в 2019 г. исполняется 90 лет со дня его рождения. Но и не будь этого повода, я все равно бы ее написал. Ибо с того момента, как я узнал о смерти Виктора Ивановича, меня не покидала мысль: я обязан рассказать об этом великом первооткрывателе то, что вошло, образно говоря, в архив моей памяти.

Так получилось, что после первого знакомства с Сарияниди осенью 1964 г. и оследовавшего затем трехлетнего перерыва из-за моей службы в армии я вплоть до поступления в 1976 г. в очную аспирантуру Института востоковедения много общался с Виктором Ивановичем. Он, похоже, воспринимал меня как будущего аспиранта, а я его – и как будущего научного руководителя, и как наставника по жизни, любимого *муаллима*. С его подачи меня взяли лаборантом в Институт археологии, и моя первая опубликованная научная работа была написана в соавторстве с ним [Сарияниди, Панарин, 1971]. Я часто бывал в его квартирке во 2-м Бабьегородском переулке; он познакомил меня с некоторыми из близких ему людей, а я – со своими родителями и будущей женой. Но напишу я только о том – и то избирательно, – что слышал и наблюдал, работая под его началом землекопом, лаборантом и художником в одном лице. В таком качестве я побывал несколько раз, но рассказ мой будет сужен всего до двух археологических сезонов, для Виктора Ивановича ставших важными этапами его научной карьеры, а для меня – воспоминаниями из числа наиболее дорогих. Это полевой сезон 1964 г. в Геоксюрском оазисе в Туркмении и раскопки 1970 г. памятников Дашлы-I и Дашлы-III в Северном Афганистане.

Каждому из этих сезонов будет посвящено по две главки. В них академическое (надеюсь) изложение археологической составляющей, оснащенное научно-справочным аппаратом, будет соединено с кусками текста в ином жанре. Это жанр воспоминаний, притом, подозреваю, пристрастных. Ведь из-за совместной запойной работы на одном памятнике, совместной жизни в одном экспедиционном лагере Виктор Иванович запомнился мне в ауре позитива. Я также вполне даю себе отчет, что это будут ущербные воспоминания. Иначе и быть не могло: спустя более полувека после того, как были получены питавшие их впечатления, нельзя считать то, что подсказывает память, полным и точным.

Рассказу о полевых сезонах необходимо, на мой взгляд, предпослать краткое описание жизни Сарияниди до 1964 г.* В нем, помимо перечня основных событий, будут мои суждения, может быть, ошибочные, о каких-то чертах его личности и вкрапления тех биографических сведений, которыми он счел возможным со мной

* За исключением отдельных мест, где даются иные ссылки, оно написано по: [Кожин, Дубова, 2016, с. 8–79].

поделиться. Это будут не цитаты (они невозможны спустя столько лет), а передача смысла сказанного. Однако соответствующие места все равно будут выделены в тексте инициалами В.И. с двоеточием и курсивом. Так же будут оформлены высказывания и других персонажей.

От родителей и рождения до работы на Геоксюре в 1964 г.

Фамилия Сарияниди, греч. Σαρηγιαννίδης, на русском некогда писалась как Сарияниди(с), и сестра Виктора Ивановича Инна это написание сохранила. Их отец, Иван Панайотович, родился недалеко от турецкого Трабзона/Трапезунда в с. Гюмишхана (греч. Аргирупполи), мать, Афина Васильевна, – в Ялте [Вечер памяти, 2014]. Оба, однако, были понтийскими греками. Этот греческий субэтнос компактно проживал на территориях, составивших в ходе административной реформы 1864–1877 гг. в Османской империи* ее причерноморские вилайеты. Ныне, рассеянный по всей Греции и другим государствам, он практически не представлен в Турции. Между тем еще в 1912 г. понтийских греков в Османской империи насчитывалось, по данным Константинопольской патриархии, 416 тыс. чел. [Toralidis, 2018, p. 4]. Свой исконный ареал они покидали издавна. Но то был ручеек эмиграции, в реку он стал превращаться с приходом к власти в Стамбуле младотурков, в реку полноводную – с началом Первой мировой войны, когда турецкие власти развернули этноконфессиональные чистки. После Анатолийской катастрофы 1922 года** эмиграция греков из Турции превратилась в исход, сопровождавшийся гибелью множества мирных христиан, убитых, умерших от голода и эпидемий. Большинство уцелевших тогда понтийских греков – 160 тыс. – оказались в Греции, около 80 тыс. – в причерноморских районах СССР, в том числе в Крыму [Klapisis, 2014, p. 632, 636]. Именно там, в Ялте, встретились и поженились отец и мать будущего археолога, оттуда они перебрались в Ташкент, где 23 сентября 1929 г. у них родился сын Виктор***. В Ташкенте Иван Сарияниди завел собственную пекарню. Из-за этого или потому, что паспорт у него был греческий, он привлек внимание НКВД и в 1937 г. был арестован. Вскоре его выпустили, но...

В.И.: *Отец вышел оттуда другим человеком, сломленным. Может быть, поэтому он и умер так рано.*

Из той ночи, когда пришли за отцом, биографы Сарияниди ведут истоки его антикоммунизма. Думаю, что меньшую роль сыграли самые разнообразные впечатления ташкентского детства и отрочества, опосредованные сильно развитым здравым смыслом и внутренней независимостью. Укрепившись благодаря опыту человека, в буквальном и переносном смысле слова постоянно имеющего дело с землей, эти качества приблизили его к тому не часто обретаемому *самостоянию*, которое Пушкин называл залогом величия человека [Пушкин, 1981, с. 200]. Он мог сильно – иногда даже слишком сильно – плениться собственной заманчивой по смелости гипотезой; но его было

* О ней см.: [Shaw S., Shaw E., 1877, pp. 89–90].

** Имеется в виду поражение, нанесенное греческой армии в конце августа 1922 г. войсками Мустафы Кемала.

*** Ирина Станкевич в своих воспоминаниях утверждает, что при рождении он на самом деле был назван знаковым для греков именем знаменитого английского поэта, умершего в осажденном турецкими войсками г. Миссолонгионе: Вайрон = Байрон [Станкевич, 2000, с. 31]. Я этого никогда не слышал, но, зная Ирину как человека, неспособного распространять выдумки и слухи, могу допустить, что о «Вайроне» она узнала из надежного источника. В пользу «Вайрона» говорит и исторический контекст юности Ивана и Афины.

почти невозможно пленить извне пришедшей, его научным и житейским опытом не подтверждаемой идеей, как бы красиво та ни выглядела в глазах многих и многих. В этом, а не только в семейной трагедии – одна из главных причин скептического, мягко говоря, отношения Виктора Ивановича к идее коммунизма, неприязни к компартии и отвращения к ее до сих пор возлюбленному вождю.

В.И.: *Когда умер Сталин и все вокруг рыдали, я на радостях пошел в магазин, взял маленькую и выпил...*

В 1947 г. Виктор поступил на исторический факультет Среднеазиатского государственного университета (САГУ). Там он близко сошелся с Вадимом Массоном*, чей отец** заведовал в САГУ кафедрой археологии и руководил Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ). В разных ее отрядах – в разведке на Мешед-Мисрианской равнине, на раскопках городища Султан-кала в Мервском оазисе и первой парфянской столицы Нисы в Багире – Сарияниди работал в 1949–1954 гг.

В те же годы вышла его первая статья [Сарияниди, 1953], и он в первый раз женился. Жена, Дина Зильпер, тоже была археологом. Союз их быстро распался и, похоже, не оставил у обеих сторон приятных воспоминаний. Чтобы сразу покончить с темой «Сарияниди и женщины», скажу, что, как бы Виктора Ивановича ни увлекала та или иная дама, гранд-дама Археология всегда была в его глазах вне конкуренции. Видимо, это и было главной причиной распада трех его браков, в каждом из которых родилось по дочери. Второй его женой стала московский гидрогеолог Марианна Георгиевна Паричка-Криушенко. Паричка – словацкая по происхождению фамилия ее матери, Криушенко – фамилия по отцу [Ржевский Форум, 2019]; она познакомилась с Виктором, работая в экспедиции в Средней Азии, и хотя была заметно его старше, произвела на молодого археолога сильнейшее впечатление. Этот брак тоже не был длительным, но в отличие от первого оставил по себе, судя по одному моему разговору с Виктором Ивановичем, прочную память о силе захватившего его чувства к необычайно яркой женщи-

Рис. 1. В.И. Сарияниди в 1955 г.

* Вадим Михайлович Массон (1929–2010), доктор исторических наук, член-корреспондент АН Туркменской ССР (с 1978 г.), академик АН Туркменистана (с 1999), автор более 500 опубликованных работ, директор Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА) в 1982–1991 гг. и Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН в 1991–1998 гг. Официальную биографию см.: [Березкин, 1999], апологетический очерк о нем см.: [Кокин, 1968], критический взгляд «снизу» см.: [Станкевич, 2000, с. 33–37].

** Михаил Евгеньевич Массон (1898–1986), доктор исторических наук, профессор, академик АН Туркменской ССР, создатель среднеазиатской археологической школы и – герой множества фольклорных рассказов о его деспотичном характере и чудачествах, не всегда приятных для окружающих. Его официальную биографию см.: [Лунин, 1969; Пугаченкова, 1998].

не. А также – дочь Ирину, окончившую Строгановское училище и не раз помогавшую отцу в фиксации и реконструкции его уникальных афганских находок. В начале 1960-х у него завязались длившиеся почти до третьего брака отношения с Гориславой Лисицыной* – женщиной мудрой, жизнерадостной и уживчивой. До их встречи она побывала замужем, после чего оценила максимум, которой как-то поделилась со мной:

Г.Л.: *Всякий брак – всегда брак...*

Ну а в третий раз Виктор Иванович женился в 1972 г., на женщине значительно его моложе. То была Эльмира Ахмедовна Акаева, дагестанка по происхождению, работавшая в Институте общей генетики АН СССР. Когда Виктор Иванович сообщил о намерении жениться на ней своей строгой матери, то получил следующее скептическое напутствие.

А.С.: *Ну, сын, на иудейке ты был женат, на христианке тоже, попробуй, может, получится с магометанкой.*

Не получилось... Третий брак продлился дольше предыдущих, но тоже не выдержал испытания временем. Хотя он и не завершился разводом, супруги, что называется, разошлись: с 2002 г. Сарианиди снова зажил холостяцкой жизнью и опять в маленькой квартирке, но не в Замоскворечье, а в Беляево.

В 1949 г. в составе ЮТАКЭ был образован специальный XIV отряд для изучения древнеземледельческих поселений, в 1954 г. он занялся исследованием памятников древней дельты Мургаба. В его состав входил и Сарианиди. Так он впервые попал в те края, где в 1972 г. открыл свой прославленный Гонур-Г**. Но тогда археологи не добрались до Гонурского оазиса, поскольку целиком сосредоточились на раскопках памятников раннего железного века Яз-депе*** и Тахирбай-3 [Масимов, 2008]. И В.М. Массон, и вошедший в состав отряда ленинградец Игорь Хлопин****, и другие его участники трудились не покладая рук; но настоящим фанатом раскопок был худой тогда жилистый греческий парень с черным вьющимся чубом. В те начальные годы своего археологического восхождения и позже, на Геоксюре, он, чем бы ни был занят на раскопе – перебрасывал ли отвалы, искал ли сырцовые стенки, зачищал ли погребения – вкалывал всегда так, что никто не мог с ним сравниться. Вдобавок и полевой сезон длился у него дольше, чем у остальных, растягиваясь на полгода и более. Правда, в этом случае дело объяснялось не только энтузиазмом: у энтузиаста не было в Москве, куда он перебрался после второй женитьбы, ни прописки, ни постоянной работы. Вот и стало для него на несколько лет домом «поле» с его минималистским жизненным укладом: с раскладушкой на такыре под звездным небом и убитым спальником на ней, с тентом для тени от палящего солнца, немудрящим кухонным скарбом в виде казана, тумчей***** и паяльной лампы. А еще – со скарабеями, усердно скатывающими в шарики отходы

* Горислава Николаевна Лисицына (1929–1983), палеогеограф, палеоботаник и археолог, кандидат географических наук (1956), доктор исторических наук, (1979), старший научный сотрудник Института археологии (ИА) РАН, автор работ, блестяще синтезирующих естественно-научный и исторический подход к изучению древнеземледельческих культур. См. о ней: [Мерперт, 1984].

** История его открытия изложена в: [Сарианиди, 1976, с. 96].

*** Тепе (тюрк.), тель (араб.) – холм, образовавшийся из развалин древних глинобитных строений и заполняющих их культурных слоев. В туркменском языке произносится как депе.

**** Игорь Николаевич Хлопин (1930–1994), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИМК, специалист по археологии Средней Азии эпохи неолита и бронзы и по истории русских средневековых фортификаций. См. о нем: [Массон, Кирпичников, 1997].

***** Жестяной сосуд в форме усеченного конуса. Используется для кипячения воды и заваривания чая.

пищеварительного процесса животных и людей; с лопоухими ишачками, со скуки чуть ли не до земли выпускающими на всеобщее обозрение восславленную Апулеем «пятую ногу»^{*}; с пикантной приправой туркменистанской фауны в виде эф, скорпионов и фаланг; да со звенящей по утрам в вышине песней хохлатых жаворонков...

В 1955–1962 гг. XIV отрядом ЮТАКЭ был исследован заброшенный еще в древности оазис с сельскохозяйственными поселениями эпохи энеолита, расположенный в 24 км к востоку-северо-востоку от г. Теджена и по имени близлежащего железнодорожного разъезда названный Геоксюрским. В работах активно участвовал и Виктор Иванович, с 1957 г. ставший сначала временным (по договору), затем постоянным сотрудником Института археологии АН СССР. Геоксюрские материалы легли в основу его кандидатской диссертации «Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении», защищенной им в 1963 г.

Геоксюр: памятник

Всего в Геоксюрском оазисе было выявлено девять долговременных поселений и несколько скоплений керамики, свидетельствовавших о непродолжительном проживании. У семи из девяти депе были установлены местные туркменские названия, и все они получили общее наименование «Геоксюр» с порядковой нумерацией каждого. Депе значительно колебались по площади: миниатюрное Дашлыджи (Геоксюр-8) уложилось в 0,5 га, размеры собственно Геоксура (Геоксюр-1), оцениваются в 10–12 га [Хлопин, 1964, с. 7, 11]. Раскопками были затронуты все памятники, хотя в разной степени: Дашлыджи был раскопан Хлопиным полностью во всех трех строительных горизонтах, из остальных поселений более других были исследованы Ялангач (Геоксюр-3), Муллали (Геоксюр-4) и Геоксюр-1 [Хлопин, 1964, с. 13–55]. С помощью аэрофотосъемки удалось выявить русла дельтовых протоков и древних каналов, после чего бульдозерами были прокопаны поперечные руслам траншеи для выяснения особенностей водотока [Лисицына, 1965, с. 51–70, 107–124].

История жизни в оазисе разделяется на дашлыджинский, ялангачский и собственно геоксюрский этапы, названные по наиболее характерным памятникам. В стратиграфическом отношении они сопоставимы с периодом времени от раннего Намазга-I до позднего Намазга-III [Лисицына, Массон и др., 1965, с. 10], определяемым как V – начало III тыс. до н.э. [Кирчо, б.г.]. Расцвет оазиса пришелся на ялангачский этап: тогда были обжиты все поселения, за исключением оставленного Дашлыджи. В их архитектуре появляются обводные стены толщиной до 1 м и круглые в плане здания диаметром от 3 до 6 м. Одни из круглых зданий, несомненно, жилые, были включены в стены и потому могли служить оборонительными башнями. Другие, расположенные в центре поселений, были, вероятно, местом собраний и ритуалов больших семейных коллективов [Массон, 1962, с. 5–6; Сарияниди, 1962]. Ялангачский этап отмечен еще и расцветом коропластики. Ее наиболее известный образец – крупная полихромная статуэтка сидящей полногрудой Богини-Матери с росписью из concentрических кругов на пышных бедрах^{**}, найденная на Ялангаче. В геоксюрский период жизнь постепенно замирает повсюду, кроме Геоксюр-депе, вобравшего в себя переселенцев из заброшенных поселков, и частично на Чонг-депе (Геоксюр-5) и Муллали-депе [Лисицына, Массон и др., 1965, с. 15]. Причина: миграция русловых протоков

^{*} Ср.: Метаморфозы, X, 22 [Апулей, 1956, с. 285–286].

^{**} Ее цветная фотография приведена, насколько помню, на вклейке в большой статье Сарияниди в нецифрованном издании [Сарияниди, 1961]); некоторое представление о ней может дать черно-белая фотография в: [Сарияниди, Кошеленко, 1966, с. 63].

и снижение их уровня привели к острой нехватке воды для орошения полей. Зато в период сжатия оазиса в нем утвердилась столовая посуда с полихромной росписью так называемого геоксюрского стиля* в виде фриз, в которых центральное место занимает фигура креста. К геоксюрскому времени относится и проведение оросительных каналов, едва ли не древнейших в мире, и так называемые толосы. Это круглые в плане сооружения (в одном случае – квадратное со скругленными углами); они возводились для межпоколенных захоронений родственников, т.е. функционально были близки фамильным склепам высокостатусных семей [Сарианиди, 1959].

Из-за неблагоприятных изменений гидрологического режима в дельте Теджена земледельцы Геоксюра в конце концов были вынуждены покинуть оазис, освоенный их предками два тысячелетия назад. Они мигрировали вверх по течению Теджена, основав вблизи от тогда еще полноводной протоки поселение, сопоставимое с Геоксюром-1 по размерам (около 10 га). Его остатки носят сейчас название Хапуз-депе, расположен этот памятник в 18 км к югу от Геоксюрского оазиса. Его прямую родственную связь с Геоксюром финальной стадии существования последнего доказали материалы нижних ярусов шестиметрового шурфа, заложенного на Хапузе в 1962 г. [Сарианиди, 1964; Лисицына, Массон и др., 1965, с. 18–19].

Геоксюр: люди – работа – отдых

В последний раз раскопки на Геоксюре велись осенью 1964 г., в них я и участвовал. Можно сказать, повезло. Впрочем, то было второе везение за год: в первый свой приезд в Туркмению, в мае, мне посчастливилось побывать на легендарном Джейтуне, этом самом раннем в пространстве бывшего СССР сельском поселении. Там И.Н. Хлопин и А.Ф. Ганялин** докопали последний оставшийся не до конца раскопанным дом. Майские раскопки так меня впечатлили, что очень захотелось продолжения. Благо я, студент II курса исторического факультета ЛГУ, находился тогда в академическом отпуске, что позволяло быть в экспедиции до глубокой осени. Вернувшись в Ленинград, я заявился к Массону, отдыхавшему в Комарове, с просьбой пристроить меня в экспедицию снова. Он и пристроил – к Сарианиди.

Я хорошо помню наш лагерь совсем рядом с Геоксюром-1. Разбит он был на протяженном такыре, на который через некоторое время после нашего приезда было сгружено несколько десятков арбузов и утонченно ароматных, во рту тающих, но, увы, нетранспортабельных дынь знаменитого сорта «Вахарман», известного как минимум с XII в. [Агаджанов, 1969, с. 96]. Обитателями лагеря первоначально были Сарианиди, Лисицына, Костас Качурис, Павел Кожин***, молодой водитель-туркмен, почти не за-

* Ее описание и цветное изображение ее фрагментов из раскопок на Алтын-депе – см.: [Кирчо, 2017, с. 44–46].

** Александр Федорович Ганялин (1924–1992), ашхабадский археолог. Его публикации 1950-х гг. до сих пор фигурируют в библиографических списках диссертаций, но его научная карьера так и не состоялась. Участник войны, потерявший в боях руку, неутомимый полевик, обаятельный человек, не боявшийся ни научного, ни партийного начальства, он страдал известным русским недугом, начало которому положили фронтовые «сто грамм». Это не могло не сказаться на его положении. Когда в 1968 г. я вновь приехал в Ашхабад, он, вынужденный полностью расстаться с археологией, работал экспедитором.

*** Павел Михайлович Кожин (1934–2016), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. С 1959 по 1976 г. работал в ИА АН СССР. Автор свыше 400 работ по археологии и китаистике. О нем см.: [80-летие, 2014].

помнившийся по причине частых отлучек, плохого знания русского языка и собственной склонности к обособлению от «науки», и я. Позже к нам присоединился Валерий Алексеев*. Его имя, как и имя Кожина, широко известно археологам, этнологам, антропологам, поэтому в отношении обоих я ограничиваюсь короткими биографическими справками в постраничных примечаниях. Качуриса же сейчас мало кто помнит. Между тем это был не просто друг Сарияниди, это был человек, чье присутствие помогало Виктору Ивановичу восстанавливать значимую для него греческую идентичность. Человек этот и сам по себе заслуживает рассказа о нем.

Коста Катсурис (Κόστας Κατσούρης), или Константин Афанасьевич Качурис, как он себя называл на русский манер, был, если можно так выразиться, эллинским греком. И не только потому, что родился в 1919 г. в королевстве Греция: в 45 лет он был высок, строен, прекрасно сложен, словно высечен резцом Праксителя. Правда, античная фигура сочеталась с подвижным забавным, вечно небритым личиком с типично русским курносым носом. Когда в 1940 г. в Афины пришли немцы, он вместе с братом Лео вступил в ряды Греческой народно-освободительной армии ЭЛАС, к концу оккупации стал начальником ее контрразведки в Фессалии и *ex officio* участвовал в операции возмездия. Суть ее была такова. Немцы уничтожили всех жителей деревни, по словам Качуриса, «самой что ни на есть эллинской», сохранившей даже нечто вроде олимпийских игр. В ответ партизаны отловили эквивалентное количество немецких офицеров, убили их, головы отрезали и подбросили к зданию гестапо в Афинах.

К.К.: Когда резали, один из наших с ума сошел.

Была ли на деле операция возмездия, да еще в том виде, в каком ее описал Качурис, судить не берусь**. Как я вскоре стал подозревать, в его рассказах о молодости в Греции*** подлинные факты и мгновенная импровизация, позволяющая заморозить слушателя, сплетались так тесно, что разделить их было невозможно. Да и не хотелось. Я был очарован Костасом: он мне казался современным Одиссеем, то наивным, то хитрым (но и в этой хитрости – отчасти большим ребенком). И в любой ипостаси он контрастировал с окружавшим его советским фоном, в который, даже защитив кандидатскую диссертацию [Качурис, 1963], он так до конца и не вписался.

К.К.: В 1949 г. эмигрировать можно было в Канаду или в СССР. Брат выбрал первое, я – второе и в первый же день по приезде в Ташкент горько об этом пожалел.

Качурис и Сарияниди разговаривали по-гречески, играя в нарды. Первый воскрешал в памяти второго забытые слова и насыщал ее словами новыми. Виктор Иванович проявлял большой энтузиазм, темпераментно восклицая при остановке игровой кости: «Эна! Виа! Триа! Тесера!» (Один! Два! Три! Четыре!). Греческие ругательства, включая

* Валерий Павлович Алексеев (1929–1991), крупнейший советский специалист по палеоантропологии и этногенезу, автор свыше 600 научных работ, академик АН СССР, директор ИА АН СССР в 1988–1991 гг. См. о нем: [Бужилова, Добровольская, Медникова, 2009].

** Такое впечатление, что отправной точкой этого драматического рассказа послужила карательная операция оккупантов в Фокиде, в деревне Дистомо, недалеко от Дельф. Там 10 июня 1944 г. эсэсовцы убили 214 человек, в том числе женщин и детей [Massacre of Distomo, 2019]. Для греков Дистомо – то же, что Лидице или Орадур.

*** Много позже, уже в Канаде, куда он уехал в 1967 г., Костас в интервью канадскому исследователю греческого происхождения делал акцент не на красочных историях, а на том, что война «никогда не была „бело-черной“, но имела разные оттенки серого» [Gerolymatos, 2018, с. 22. Пер. с греч. А. Атрашкевич].

нецензурные, тоже звучали. Подразумевалось, что их значение известно только греческой части экспедиции; на деле они быстро стали понятны всем*; но мы понимали, что это – невинное упоение заново обретаемым во всем его речевом богатстве языком родителей, языком предков. Произнося «идиомы», Виктор Иванович не хотел оскорбить чей-то слух. Вообще, при некоторой видимой простоте в общении и характерном для него предпочтении языку литературному языку разговорного, включая жаргонизмы, он избегал не то чтобы грубости, но и фамильярности. Независимо от продолжительности знакомства и степени близости он говорил «Вы» тем, кто был моложе и кто не занимал равного с ним положения; и я ни разу не слышал, чтобы даже в самых на то провоцирующих ситуациях он прибегал к обценным богатствам русского языка. Ну а выпустить пар в русскоязычной среде с помощью ей неизвестного греческого или туркменского – почему бы и нет?

Грекофония за нардами звучала обычно в обеденный перерыв, а тот, поскольку мы работали в сентябре, когда было уже не так жарко, как в июне-августе, длился всего пару часов. Весь остальной световой день мы проводили на раскопе. Главной ударной силой был начальник: Горислава в основном была занята кухней и камералкой, а совокупный объем земляной работы остальных членов отряда вряд ли превышал то, что накапывал, перекидывал, расчищал один Сарияниди. Конечно, все мы были разные: кто старше, кто моложе; кто давно дружил с лопатой, кто, как я, освоил ее недавно; кто по природе был человеком быстрым, а кто медлительным. Сарияниди это понимал, никого не подгонял. Лично я чисто по-пионерски вдохновлялся его примером и старался быть таким же двужилым, хотя удавалось мне это, дай Бог, наполовину.

В тот последний год работы на Геоксюре, результаты которых изложены Сарияниди в специальной статье [Сарияниди, 1966], велись на двух раскопах. Один из них в статье обозначен и в описании, и в подписи к рисунку с планом раскопа под номером 3, другой – под номером 2 в тексте и номером 1 – на рисунке. Я буду следовать нумерации планов. Сам я работал на раскопе №3, где, согласно Сарияниди, были вскрыты два святилища геоксюрского времени, переделанные из жилых помещений ялангачского периода. Они, как он считал, были преднамеренно сожжены жителями Геоксюра, после чего эта часть поселения использовалась обитателями примыкающей к ней жилой части для устройства толосов. Следы пожара были обнаружены и в нескольких помещениях геоксюрского времени, расчищенных на раскопе №1; три из них, по осторожному предположению Сарияниди, тоже могли иметь особое назначение и изначально быть связаны с соседними толосами. Кропотливой работой по зачистке находившихся в толосах скелетов занимались преимущественно Сарияниди и Кожин; с приездом Алексеева, чей профессионализм не мог не вызвать восхищения, настолько виртуозно – быстро и очень тщательно – расправлялся он с одним костяком за другим, нудный этот процесс резко ускорился.

Помимо археологических, велись и геоморфологические изыскания. Я был отдан в распоряжение Лисицыной: для зарисовки и фотографирования линз древних каналов требовалась предварительная зачистка их разрезов. Задача эта выглядела куда менее привлекательной, чем раскопки на поселении: там трудовые усилия всегда вознаграждались – хотя бы парой-тройкой орнаментированных черепков; здесь же, кроме вдвойне сильного припека на дне траншеи да шарканья по ее стенкам лопатой, ничего не предвиделось. Но как я ошибался! Именно в траншее я сделал свою первую цен-

* Ср.: [Станкевич, 2000, с. 31].

ную находку: из-под лопаты вылетела женская статуэтка. Положим, и без нее привязка каналов к энеолитическим поселениям могла вызывать сомнения разве что у идейных скептиков; но с ее находкой такая датировка ирригационных сооружений оазиса стала уже совершенно бесспорной [Лисицына, 1966, с. 98–99].

Мы не только упорно трудились, но иногда и отдыхали, и один из выходных дней заслуживает, как представляется, описания. Мы приехали в Теджен на какой-то праздник, устраивавшийся местной греческой колонией. В этом городке, по переписи 1959 г. насчитывавшем всего-то 16,2 тыс. жителей [Всесоюзная перепись, 2019] и показавшемся мне пыльным одноэтажно-глинобитным захолустьем, проживало тогда несколько греческих семей. Точнее семей преимущественно смешанных, где мужьями были сохранившие родной язык греки, а женами – чаще всего русские и украинки, говорившие на смеси двух языков. (В качестве примера вспоминается фраза, брошенная одной соседкой другой: «Зайдешь аврион!», т.е. завтра.) Но и для тех и других прямо-таки праздником стало «явление Качуриса». Ведь в их глазах он был самым настоящим греком, так сказать, посланцем исторической родины. Рядом с ним даже Виктор Иванович, знакомством с которым тедженские греки явно гордились, на время как бы отодвинулся на второй план.

Нам были очень рады. В просторном дворе собрались все взрослые греки Теджена; началось застолье. Было оно с изобилием вкусов из меню греческой, туркменской, русской кухни, с цветистыми тостами на двух языках и, самое главное, с греческими песнями и танцами. До тех пор, пока паршивая водка бакинского разлива не свалила меня в сон, я буквально наслаждался греческим мелосом, с тех пор навсегда вошедшим в число любимых. С неменьшим наслаждением я наблюдал за тем, как плясали дальние-предальные потомки Агамемнона, Аякса, Ахилла, историей занесенные из Эллады невесть куда. Они и их славянские подруги – люди, в большинстве своем немолодые и не сказать чтоб стройные, – встав в круг и сплетясь руками по плечам, самозабвенно отдавались танцу, вобравшему в себя и греческую, и славянскую мелодику и пластику. Еще одно удовольствие – смотреть, как «дисперсные» московские греки Качурис и Сарияниди буквально упивались пребыванием в атмосфере *греческого праздника*.

Дашлы-1

В 1970 г. по рекомендации Виктора Ивановича я, к тому времени уже год работавший в Институте археологии, был включен в состав Советско-афганской археологической экспедиции. В ней я провел два полевых сезона подряд. С начала второго из них начальник СААЭ И.Т. Кругликова [1976, с. 88]* забрала меня в свой отряд, где я был целиком занят копированием настенных росписей памятника Дильберджин (Дальверзин), датированного поздним греко-бактрийским – раннесасанидским временем. Поэтому далее речь пойдет только о сезоне 1970 г., когда я почти три месяца проработал в отряде Сарияниди. Впрочем, название «отряд» – слишком громкое. Сначала нас было всего трое: Виктор Иванович, водитель Мухаммед Амин и я. В ноябре к нам присоединился четвертый – инспектор Института археологии Министерства культуры Афганистана Абдул Хабиб Азам.

Работали мы на территории древнего оазиса, расположенного между Аму-Дарьей и уездным городом Акча, примерно в 30 км к северу-востоку от последнего. Оазис

* Ирина Тимофеевна Кругликова (1917–2008), доктор исторических наук, специалист по античной археологии Северного Причерноморья, стала начальником СААЭ не только благодаря ее научным достижениям, но и потому, что была членом КПСС. Беспартийный Сарияниди, чье личное дело было к тому же обременено двумя разводами, никак не мог претендовать на эту должность.

этот – часть пространства, ныне определяемого как Северный Афганистан, а в древности – как Бактрия, или Бактриана, крайняя восточная сатрапия Ахеменидской империи. Страбон и Юстин называли ее «страной тысячи городов» [Массон, 1966, с. 4]. С 1922 по 1982 г. здесь работала Французская археологическая миссия; с 2002 г. она возобновила свою деятельность [DAFA, 2016]. Французы преуспели в изучении античной Бактрии*, но не нашли доказательств существования культуры эпохи бронзы и раннего железа, по уровню развития отвечающей представлению о развитой локальной цивилизации. Сделал это Сарияниди.

В 1969 г. советский специалист А.В. Марков сообщил о наличии археологических памятников по трассе газопровода от Акчи до Аму-Дарьи. На указанном месте сотрудник СААЭ А.В. Виноградов тогда же обнаружил два памятника эпохи бронзы. Один из них назывался Дашлы, этим именем были потом названы все памятники того же типа – с номером, присваивавшимся в порядке их обнаружения [Сарияниди, 1976, с. 21]. Здесь же находились памятники иного типа, ахеменидские, аналогично объединенные именем Алтын с нумерацией. С легкой руки Сарияниди эта область древнего интенсивного заселения, датируемого II–I тыс. до н.э., стала известна как Дашлинский оазис. Почти все памятники обоих типов обнаружил и картировал Виктор Иванович. По вечерам, когда прекращалась работа на раскопе, он садился за руль нашего «газика» и без устали наматывал километр за километром, высматривая россыпи черепков на выдувах и приглядываясь к микрорельефу. Уже в 1970 г. он нашел два десятка Дашлы и не менее десяти Алтынов, впоследствии число первых довел до полусотни, вторых – до 20 [Сарияниди, 1976, с. 30, рис. 8].

Ахеменидские памятники исследовались без меня, поэтому я не буду на них останавливаться, ограничившись ссылкой [Сарияниди, 1977, с. 116–128]. Я сосредоточусь на Дашлы-1 и Дашлы-3, в чьих раскопках участвовал.

Памятники типа Дашлы четко делились на две группы**. Одну, многочисленную, образовывали плоские, словно бы расплзающиеся по земной поверхности, как блин по сковороде, поселения с сильно разветвленным верхним слоем. Их Сарияниди определял как сельские поселения. Вторую группу составляли встречавшиеся реже относительно высокие холмы, хорошо выраженные в рельефе. Что они собой представляют, показали раскопки Дашлы-1, рядом с которым был разбит наш лагерь. Был открыт настоящий сырцовый «замок» – прямоугольник размером 99×85 м. Стены его, толщиной от 3 до 4 м, сохранившиеся на разную высоту, в древности поднимались до 6–8 м. По углам они были усилены круглыми башнями. Небольшие полуовальные башенки шли и вдоль расчищенной на 22 м длины западной стены. Для противника, не вооруженного стенобитными орудиями, такая стена представляла действительно серьезное препятствие. Однако и она не могла защитить от огня, о чем свидетельствуют следы сильного пожара как с ее наружной стороны, так и в примыкавших к ней помещениях. Внутреннее пространство, насколько можно судить по его раскопанной части, было сплошь застроено. Правда, не исключено, что в нераскопанной части скрывались

* Наиболее выдающийся результат их усилий – памятник Ай-Ханум. Там был открыт эллинистический город со всеми его атрибутами: гимнасием, театром, банями, арсеналом, фонтаном и т.д. [Попов, 2008, с. 164–176].

** Здесь и далее описание Дашлы-1 и Дашлы-3 и работ на них дается по: [Сарияниди, 1976; 1977; 1984], а также по памяти и по моим редким, увы, полевым записям.

улицы, упорядочивавшие этот лабиринт. В пользу данного предположения говорит тот факт, что стены смежных помещений возводились вперевязку, что намекает на некоторое планирование при строительстве. Одни помещения были жилыми, другие – служебными; соответственно, они различались по конструкции найденных в них очагов, в первом случае служивших для обогрева, во втором – для приготовления пищи. Пристенные комнаты могли быть задуманы как вспомогательные при обороне.

Сарияниди сопоставил эту древнюю крепость с небольшими крепостцами, встречавшимися в Северном Афганистане по дороге в район раскопок. Тоже сырцовые, тоже прямоугольные и тоже с круглыми угловыми башнями и маленькими полубашенками, фланкирующими деревянные въездные ворота, они подтверждали устойчивость архитектурной традиции, зародившейся во II тыс. до н. э. В социальном плане Виктор Иванович интерпретировал Дашлы-1 и однотипные с ним поселения как укрепленное место проживания нескольких больших близкородственных зажиточных семей, обладавших определенным влиянием. Как он пришел к таким выводам, отчасти можно судить по его разговорам со мной во время раскопок Дашлы-1. В них он пытался оценить массу прибавочного продукта, которым должно было обеспечиваться количество рабочих часов и рабочих рук, потребных для изготовления тысяч сырцовых кирпичей и возведения из них стен и башен.

Раскопки на Дашлы-1 дали богатый керамический материал, в основном извлеченный из впускных погребений. Среди них странным образом преобладали кенотафы, в двух случаях – с захоронением баранов. Причем по богатству инвентаря захоронения *без* каких-либо следов человеческих скелетов заметно превосходили те погребения, где скелеты были обнаружены. Преобладала в инвентаре посуда бледно-салатного, почти белого цвета, изготовленная из тонко отмученной глины на гончарном круге и изящная по формам. Ее излюбленной «погребальной» разновидностью были красивые, но вряд ли практичные в повседневном использовании широкие чаши на ножках различной высоты. Они численно лидировали в кенотафах, в том числе в двух, найденных первыми, тщательнейшим образом зачищенных и в таком виде оставленных под фотографию и зарисовку на следующее утро. Увы, проходивший мимо ночью караван разворотил обе могилы и переколотил сосуды. Нам понадобилось несколько вечеров, чтобы склеить разбитое.

Дашлы-3

Этот памятник находился на самом краю Дашлинского оазиса, в 3 км к северо-востоку от нашего лагеря. Состоял он из двух частей: прямоугольного в плане холма размером приблизительно 100×120 м и лежавшего в сотне метров от него большого «блина», где уже при первом нашем совместном его посещении обнаружился настоящий заповедник подъемки. Тут можно было найти целые или почти целые глиняные и каменные сосуды, обломки металлических изделий и россыпи кремневых орудий с выраженным преобладанием среди них великолепных по изяществу форм и ювелирности ретуши наконечников стрел.

В ноябре на севере Афганистана случаются сильные дожди. Однажды сразу после такого дождя Сарияниди забросил меня на Дашлы-3 собирать подъемку, а сам отправился на поиск новых памятников. Наступил вечер, косые лучи опускающегося к горизонту солнца вырвались из-под, наоборот, приподнимающихся сизых туч и высветили контраст между рыхлым неструктурированным поверхностным слоем плоской части Дашлы-3 и нижележащим слоем с сохранившейся архитектурой, за счет впитанной сырцовыми стенками

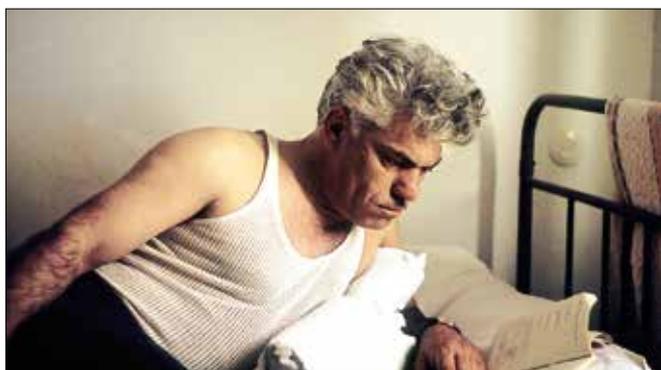

Рис. 2. Афганистан, Кабул. 1971 г. В.И. Сарияниди в гостевой комнате при посольстве СССР. Фото С.А. Панарина

Как показали последующие раскопки, то, что я заметил благодаря дождю и вечернему освещению, было лишь ядром куда более монументального сооружения. В 1970 г. мы с Абдул Хабибом и приданными нам рабочими раскопали, под ненавязчивым контролем ежедневно приезжавшего с Дашлы-1 Виктора Ивановича, лишь самый его центр – образующие обводной коридор двойные круглые стены диаметром более 40 м с девятью башенками и двумя десятками помещений внутри этого почти идеально выведенного кольца. В сезоны 1971–1973 гг. раскопки продолжались веером к северу, захватив примерно четверть «блинной» части Дашлы-3. Выяснилось, что вокруг ядра располагались, тоже по кругу, но не такому правильному, как в центре, еще три кольца помещений, к сожалению, плохо сохранившихся, и что комплекс в целом был вписан в квадрат обводных стен со стороной 130–150 м, дополнительно окруженный рвом. Воздвигнут он был на материке и, как минимум в центральной его части, – по заранее продуманному плану либо где-то увиденному образцу. После того как он был заброшен, он использовался под могильник; из разрушившихся погребений на краю «блина» и происходила, видимо, богатая подьемка, словно

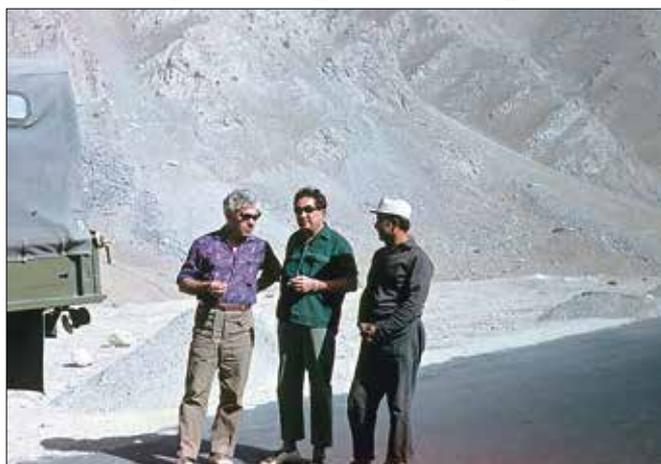

Рис. 3. Афганистан. 1971 г. Остановка на пути из Кабула в поле перед перевалом Саланг. Крайний слева – В.И. Сарияниди. Фото С.А. Панарина

и дольше сохраняемой влаги проявившейся темным контуром. Не веря собственным глазам, я увидел по краю «блина» длинную темную дугу на светлом фоне – почти полукругие – и на всякий случай провел рядом с ней сапогом черту по пушонке. Минут через десять приехал Сарияниди, посмотрел и решил.

В.И.: *Завтра привезем сюда двадцать рабочих, давайте зачистку.*

бы нарочно приманившая нас к скрытому рядом храму.

Тому, что это был именно храм, точнее целый храмовый комплекс, изначально окруженный либо обросший со временем вписанными во внешнюю квадратную стену жилыми и подсобными строениями, имеется немало доказательств. В первую очередь это очевидная пространственная изоляция ядра. Это также детали отделки его главных помещений, наличие в них специально устроенных жертвенников, на которых со-

вершались ритуалы, оставившие после себя следы горения сильного и продолжительного огня. Виктор Иванович полагал, что, отличаясь от зороастрийских храмов огня в архитектурном отношении, в плане идеологии дашлинский храм может быть вписан в эволюцию религиозных представлений, в конечном счете сложившихся в зороастризм.

Выяснилась и четкая связь между плоской и возвышенной частью Дашлы-3. Там раскопки раскрыли монументальное сооружение 84×88 м, позднее по архитектурному замыслу и исполнению, отделке (фрагменты алебастровой мозаики) и другим признакам определенное Сарияниди как дворцово-культовое. У него довольно сложная конфигурация: от каждой стороны подквадратного внутреннего двора размером 38×40 м отходят Г-образные коридоры, чьи стены снабжены многочисленными пилястрами. Еще с большим основанием, чем храм, его можно считать построенным по единому, заранее продуманному плану.

Практически каждый день результаты раскопок на обоих памятниках поддерживали в нас нетерпеливое ожидание следующего дня. Распорядок наш выглядел так: с утра – раскоп; вечером – разведка (Сарияниди) и подъемка (я), после захода солнца – склейка керамики (сообща), полевой дневник (Сарияниди), зарисовка найденного за день (я). На раскопе мы присматривали за рабочими из числа местных крестьян-издольщиков (хотя довольно быстро они так наострились искать стенки, что надобность в этом почти отпала), ножами зачищали найденные ими стены помещений и готовили под фиксацию погребения. Что касается наших вечерних бдений, то они стали возможны благодаря заблаговременной покупке изготовленной в ФРГ лампы светимостью в сто свечей. Такая яркость достигалась за счет нагнетания в дырчатый синтетический мешочек и удержания в нем раскаленных паров бензина. Как поведали пару раз приезжавшие к нам в гости сотрудники отряда Кругликовой, в черноте осенней афганской ночи сияние этой лампы было видно за несколько километров.

Я не буду касаться других бытовых сторон нашей жизни: устройства лагеря, нашего колоритного водителя, наших рабочих и т.д. Об этом можно прочитать в другой моей статье [Панарин, 2018]. Но я не могу не сказать о главном *тоне* той страдной поры. До сих пор, вспоминая о ней, я будто заново переживаю накал полностью захватившего нас исследовательского поиска, глубину погружения в разные его стороны – и то приносившееся им «археологическое» ощущение счастья, о котором говорил выше. По этим составляющим моей тогдашней жизни на такыре и в палатке-десятиместке с ней вряд ли может сравниться жизнь последующая. Уверен и в другом – в том, что те дни стали такими яркими, такими незабываемыми, «повинен» человек, с которым я их провел. Это он заражал и заряжал меня своей целеустремленностью, своим исследовательским фанатизмом; и это благодаря ему испытал я еще одно, не часто нас посещающее чувство – единения с человеком, с головой увлекающим общим делом.

Вместо заключения

В 1975 г. Виктор Иванович защитил докторскую диссертацию по своим афганским материалам [Сарияниди, 1975] и после этого интенсивно работал в Афганистане и Туркмении еще 50 лет. За это время рухнули и Королевство Афганистан, и Советский Союз. Первый надолго стал ареной разрушительного хаоса, в результате распада второго появилось государство Туркменистан с самым причудливым режимом из всех постсоветских авторитарных режимов. Несмотря на все это, Сарияниди все искал и все копал, причем, пока в Афганистане не разбушевалась война, делал это по обе стороны Аму-Дарьи. Чем старше он становился, тем шире раздвигалось пространство его

поиска. Еще шла подготовка к публикации афганских материалов, а он уже занялся исследованием Гонурского оазиса. В 1979 г. мировые новостные агентства сообщили о совсем уж сенсационной его находке – о золотом засыпанных, в полном смысле этого слова, погребениях на Тилля-тепе. Будто сенсации этой было мало, вслед за ней развернулась детективная история с пропажей этого золота после взятия Кабула моджахедами и его «воскрешением» после разгрома талибов. А Сарияниди тем временем «осел» на Гонуре, начав планомерные широкомасштабные раскопки древней столицы страны Маргуш, входившей в выделенный им Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, который все чаще отождествляется с отдельной древневосточной цивилизацией, или цивилизацией Окса, как ее предпочитают называть некоторые западные археологи*.

Между тем отношение в среде археологов к автору этих открытий и оценка его интерпретации найденного им далеко не всегда были доброжелательными. Правда, открыто нападать на «нового Шлимана» стало как-то неудобно. Зато за глаза и в узкой аудитории можно было услышать весьма желчные инвективы**. Более того, как раз в годы обретения именем Сарияниди широкой известности за пределами научного круга прервались его многолетние приятельские/дружеские отношения с В.М. Массоном и Р.М. Мунчаевым.

Почему это могло произойти, судить не берусь, могу лишь высказать предположения, основывающиеся на моих, возможно, ошибочных, представлениях о некоторых чертах характера Виктора Ивановича. Он был очень терпимым в отношениях с людьми простыми, не облеченными регалиями и властью, с начинающими в науке, а также с теми, кто был далек от сферы его научных интересов. Но более требователен, а значит, в каких-то ситуациях и более раздражителен по отношению к людям, близким по кругу занятий, особенно тем, кого считал равным по положению в научной иерархии. Критику с их стороны он мог воспринять болезненно и как оскорбление – в тех случаях, когда она раздавалась, что называется, из ближнего круга и звучала в его ушах как насмешка свысока. Я почти уверен, что его давний разрыв с Хлопиным случился именно *из-за формы* реакции последнего на предположения Сарияниди о намеренном сожжении геоксюрцами их ритуальных помещений. Форма была иронической, но, скорее всего, произвольной. Сарияниди же воспринял облеченное в нее сомнение как прицельный выпад со стороны человека, выросшего в потомственной интеллигентской среде и в виде среднего бонуса получившего многое из того, чего сыну пекаря приходилось добиваться исключительно за счет собственно упорства.

Если даже в этих размышлениях есть доля истины, они не могут поставить под сомнение масштаб фигуры Сарияниди и его свершений. Иногда можно услышать, что интерпретатором он был слабым, а в поле ему просто везло. Хочется ответить: вас бы в это поле! И не просто в палатку на месяц-другой – а в поле, понимаемое как образ жизни, как непрерывный поиск, в ходе которого мобилизуются все средства постижения внешнего мира: личный опыт и наведенное знание, упорство и выносливость и, конечно же, природная интуиция, фантастически развитая и тем, и другим, и третьим, и четвертым.

Со времен господства единственно верного учения у нас укоренился глубокий пиетет к экзерсисам в сфере мирообъясняющей теории – и пренебрежительное отношение к достижениям, обретаемым на земле, в эмпирике. Научная табель о рангах

* См., например: [Luneau, 2019].

** Мне самому однажды довелось их услышать – в МГУ, в ходе обсуждения доклада Н.А. Дубовой о новых находках на Гонуре.

строится в соответствии с этой манихейской дихотомией. Сарияниди всеобъемлющих концепций не выстраивал, увлекался рискованными сближениями? Значит, так себе был ученый. И пусть нашел он столько, сколько не всякому институту под силу, определения «великий» он не достоин.

На самом-то деле «пусть» должно адресоваться *им* – так считающим. Ибо вне узкого круга элитарного самолюбования и питаемого им недоброжелательства к тем, кто в этот круг не вошел, да и не стремился войти, он по праву великий археолог. Свидетельством тому – некролог, напечатанный одной из самых известных газет страны, казалось бы, очень далекой от Геоксюра и Дашлы [Viktor Sarianidi, 2014]. Для сравнения: под грифом института, где он проработал не один десяток лет, спустя всего лишь несколько месяцев после его смерти вышла книга [Кошеленко, Мунчаев, Гаибов, 2014] с немалым количеством адресованной ему как ученому критики – критики не то чтобы *a priori* несправедливой, но совершенно точно – недоброжелательной по ее тональности...

Библиографический список

- 80-летие Павла Михайловича Кожина // Проблемы Дальнего Востока. 2014. №5. С. 182–183.
- Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. Ашхабад : Ылым, 1969. 297 с.
- Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 464 с.
- Березкин Ю.Е. Краткий очерк жизни и научной деятельности В.М. Массона (к 70-летию со дня рождения и 55-летию с начала полевых археологических изысканий) // Вадим Михайлович Массон : Библиограф. указ. / сост. Л.М. Всевиов. Л. : ИИМК РАН, 1999. С. 3–6.
- Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б. К юбилею академика В.П. Алексеева // Российская археология. 2009. №4. С. 186–187.
- Вечер памяти великого грека, легенды мировой археологии В.И. Сарияниди // Греческий культурный центр, 01.04.2014. URL: http://www.hecucenter.ru/ru/ellin/24_marta_2014_goda_po_iniciative_posolstva_grecii_v_rossii_i_grecheskoi_obschestvenosti_v_moskovskom_dome_nacionalnostej_sostoyalsya_vecher_posvyaschennyj_pamyati_vsemirno_izvestnogo_arheologa_viktora_ivanovicha_sarianidi.html (дата обращения: 02.05.2019).
- Качурис К.А. Элевсин в бронзовом веке : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963. 17 с.
- Кирчо Л.Б. К датировке Геоксюрского комплекса // Записки ИИМК РАН. 2017. №16. С. 35–51.
- Кирчо Л.Б. Намазга // Энциклопедия Всемирная история. URL: <https://w.histrf.ru/articles/articles/article/show/namazga> (дата обращения: 06.05.2019).
- Кожин П.М., Дубова Н.А. Виктор Иванович Сарияниди. Жизнь, творчество, друзья, коллеги // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарияниди / ред. Н.А. Дубова, Е.В. Антонова, П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин. М. : Старый сад, 2016. С. 8–79.
- Кокин Л. Путешествия в позапрошлое // В поиске истин... М. : Политиздат, 1968. С. 125–175.
- Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М., Гаибов В.А. Археология Афганистана в дни мира и войны. М. : Ин-т археологии РАН, 2014. 164 с.
- Кругликова И.Т. Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. / отв. ред. И.А. Кругликова. М. : Наука, 1976. 192 с.
- Лисицына Г.Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М. : Наука, 1965. 168 с.
- Лисицына Г.Н. Изучение Геоксюрской оросительной сети в 1964 г. // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 96–100.
- Лисицына Г.Н., Массон Е.М., Сарияниди В.И., Хлопин И.Н. Итоги археологического и палеографического изучения Геоксюрского оазиса // Советская археология. 1965. №1. С. 9–23.
- Лунин Б.В. К 70-летию М.Е. Массона // Советская археология. 1969. №2. С. 126–129.
- Масимов И.С. История археологического изучения Маргианы // Культурные ценности: Международный ежегодник: 2004–2006: Центральная Азия в прошлом и настоящем / под ред. Р.Г. Мурадова. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 7–12.
- Массон В.М. Восточные параллели убейдской культуре // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 3–13.
- Массон В.М. Страна тысячи городов. М. : Наука, 1966. 164 с.

- Массон В.М., Кирпичников А.Н. Памяти Игоря Николаевича Хлопина (1930–1994) // Российская археология. 1997. №1. С. 238–245.
- Мерперт Н.Я. Памяти Гориславы Николаевны Лисицыной // Советская археология. 1984. №2. С. 284–285.
- Панарин С.А. В королевском Афганистане. Статья-воспоминание // Диалог со временем. 2018. Вып. 62. С. 329–362.
- Попов А.А. Греко-Бактрийское царство. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. 240 с.
- Пугаченкова Г. Михаил Евгеньевич Массон – основатель центральноазиатской археологической школы // Кумбез, 1998. №1. URL: http://www.heritagenet.unesco.kz/kz/content/history/monument/turkestan/r13_masson.htm (дата обращения: 04.05.2019).
- Пушкин А.С. Два чувства дивно близки нам... // Собр. соч. в 10 т. Т. II. Стихотворения 1824–1836. М. : Правда, 1981. С. 200.
- Ржевский форум. Тема: Калинин, семья Паричка // Ржев. Городской интернет-портал. URL: <http://rjev.ru/modules/phpBB2/viewtopic.php?t=1235&lofi=1> (дата обращения: 02.05.2019).
- Сарианиди В.И. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975. 55 с.
- Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М. : Наука, 1983. 160 с.
- Сарианиди В.И. В поисках страны Маргуш // Природа. 1976. №9. С. 92–103.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М. : Наука, 1977. 172 с.
- Сарианиди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. / отв. ред. И.А. Кругликова. М. : Наука, 1976. С. 21–86.
- Сарианиди В.И. Керамические печи городищ древнего Мерва // Сборник студенческих работ САГУ. Ташкент : Изд-во САГУ, 1953. Вып. V. С. 82–91.
- Сарианиди В.И. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 22–29.
- Сарианиди В.И. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении // Советская археология. 1959. №2. С. 235–238.
- Сарианиди В.И. Раскопки в юго-восточных Каракумах в 1964 г. // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 89–95.
- Сарианиди В.И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 // Материалы Советско-афганской археологической экспедиции. Вып. 3 / отв. ред. И.Т. Кругликова. М. : Наука, 1984. С. 5–33.
- Сарианиди В.И. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 60–65.
- Сарианиди В.И. Энеолитическое поселение Геоксюр // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад : Изд-во АН ТССР, 1961. Т. X. С. 225–318.
- Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. За барханами – прошлое. М. : Наука, 1966. 188 с.
- Сарианиди В.И., Панарин С.А. Рец. на кн.: Investigations at Tal-i-Ibis. М. Coldwell (Ed.). Springfield: Illinois State Museum Society, 1967 // Советская археология. 1971. №1. С. 274–280.
- Станкевич И.Л. Воспоминания археолога. Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2000. 168 с. URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jsptui/handle/123456789/2450> (дата обращения 08.05.2019).
- Хлопин И.Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Опыт исторического анализа. М. ; Л. : Наука, 1964. 172 с.
- Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность городского населения союзных республик (кроме РСФСР), их территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп.ру URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg2.php (дата обращения: 10.05.2019).
- DAFA Délégation archéologique française en Afghanistan. URL: <http://www.dafa.org.af> (access date: 16.08.2016).
- Gerolymatos A. Εμφύλιος – Ελλάδα 1943–1949, ένας διεθνής πόλεμος. Διόπτρα, 2018. 448 σ.
- Klapisis, Antonis. Violent Uprooting and Forced Migration: A Demographic Analysis of the Greek Populations of Asia Minor, Pontus and Eastern Thrace // Middle Eastern Studies. 2014. Vol. 50, No. 4. Pp. 622–639. DOI: 10.1080/00263206.2014.901218.
- Luneau E. Climate Change and the Rise and Fall of the Oxus Civilization // L.E. Yang, H.–R. Bork, X. Fang and S. Mischke. Socio-Environmental Dynamics along the Historical Silk Road. Sham : Springer, 2019. Pp. 275–298.
- Massacre of Distomo // World Heritage Encyclopedia. URL: http://www.worldheritage.org/articles/eng/Massacre_of_Distomo#cite_note-bbc-2 (date of access: 09.05.2019).

Shaw S., Shaw E.K. History of Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. II: Reform, Revolution and Republic: The Rise of Modern Turkey, 1808–1975. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977. 518 p.

Topalidis, Sam. The Relocation of Greeks from Pontos // History of the Movement of Pontic Greeks. Preprint. October 2018. 15 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/328347090_History_of_the_Movement_of_Pontic_Greeks (access date: 02.05.20129).

Viktor Sarianidi – Obituary // Telegraph, 10.01.2014. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/10564751/Viktor-Sarianidi-obituary.html> (date of access: 09.05.2019).

References

80-letie Pavla Mihajlovicha Kozhina [80th Anniversary of Pavel Mikhailovich Kozhin]. Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East]. 2014. №5. Pp. 182–183.

Agadzhanov S.G. Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednej Azii [Essays on the History of the Oguz and the Turkmen of Central Asia]. Ashkhabad : Ylym, 1969. 297 p.

Apulej. Apologiya. Metamorfozy. Floridy [Apology. Metamorphosis. Florids]. M. : Izd-vo AN SSSR, 1956. 464 p.

Berezkin Yu.E. Kratkij ocherk zhizni i nauchnoj deyatel'nosti V.M. Massona (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 55-letiyu s nachala polevyh arheologicheskikh izyskanij) [A brief Sketch of the Life and Scientific Activities of V.M. Masson (to the 70th anniversary of his Birth and the 55th Anniversary of the Beginning of Field Archaeological Research)]. Vadim Mihajlovich Masson : Biobibliograf. ukaz. [Vadim Masson: Biobibliographic Catalogue] / composed by L.M. Vseviiov. L. : IIMK RAN, 1999. Pp. 3–6.

Buzhilova A.P., Dobrovol'skaya M.V., Mednikova M.B. K yubileyu akademika V.P. Alekseeva [To the Anniversary of Academician V.P. Alekseeva]. Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology]. 2009. №4. Pp. 186–187.

Večer pamyati velikogo greka, legendy mirovoj arheologii V.I. Sarianidi [The Memorial Evening of the Great Greek, the Legend of World Archaeology V.I. Sarianidi] Grecheskij kul'turnyj centr, 01.04.2014 [Greek Cultural Center, 04/01/2014]. URL: http://www.hecucenter.ru/ru/ellin/24_marta_2014_goda_po_iniciative_posolstva_grecii_v_rosii_i_grechskoj_obschestvenosti_v_moskovskom_dome_nacionalnojestoj_sostoyalsya_večer_posvyaschennyj_pamyati_vsemirno_izvestnogo_arheologa_viktora_ivanovicha_sarianidi.html

Kachuris K.A. Elevsin v bronzovom veke : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Eleusis in the Bronze Age: Synopsis of the Dissertation ... Cand. Hist. Sciences. M., 1963. 17 p.

Kircho L.B. K datirovke Geoksyurskogo kompleksa [On the Dating of the Geoksyursky Complex]. Zapiski IHMK RAN [Notes of the IIMK RAS]. 2017. №16. Pp. 35–51.

Kircho L.B. Namazga [Namazga]. Enciklopediya Vsemirnaya istoriya [World History Encyclopedia]. URL: <https://w.histfr.ru/articles/articles/article/show/namazga> (data obrashcheniya: 06.05.2019).

Kozhin P.M., Dubova N.A. Viktor Ivanovich Sarianidi. Zhizn', tvorcestvo, druž'ya, kollegi [Victor Ivanovich Sarianidi. Life, Work, Friends, Colleagues]. Trudy Margianskoj arheologicheskoy ekspedicii. T. 6. Pamyati Viktora Ivanovicha Sarianidi / red. N.A. Dubova, E.V. Antonova, P.M. Kozhin, M.F. Kosarev, R.G. Muradov, R.M. Sataev, A.A. Tishkin [Proceedings of the Margiansky Archaeological Expedition. V. 6. In Memory of Viktor Ivanovich Sarianidi. Edited by O.N. Dubova, E.V. Antonov, P.M. Kozhin, M.F. Kosarev, R.G. Muradov, R.M. Sataev, A.A. Tishkin]. M. : Staryj sad, 2016. Pp. 8–79.

Kokin L. Puteshestviya v pozaproschloe [Journey to the Past]. V poiske istin... [In Search of Truths...]. M. : Politizdat, 1968. Pp. 125–175.

Koshelenko G.A., Munchaev R.M., Gaibov V.A. Arheologiya Afganistana v dni mira i vojny [Archaeology of Afghanistan in the Days of Peace and War]. M. : In-t arheologii RAN, 2014. 164 p.

Kruglikova I.T. Nastennye respisi Dil'berdzina [Dilberdzhin Wall Paintings]. Drevnyaya Baktriya. Materialy Sovetsko-Afganskoj ekspedicii 1969–1973 gg. / otv. red. I.A. Kruglikova [Ancient Bactria. Materials of the Soviet-Afghan Expedition of 1969–1973. Edited by I.A. Kruglikova]. M. : Nauka, 1976. 192 p.

Lisicyna G.N. Oroshaemoe zemledelie epohi eneolita na yuge Turkmenii [Irrigated Agriculture of the Eneolithic in the South of Turkmenistan]. M. : Nauka, 1965. 168 p.

Lisicyna G.N. Izuchenie Geoksyurskoj orositel'noj seti v 1964 g. [Study of the Geo-Cyur Irrigation Network in 1964]. KSIA. 1966. Vyp. 108 [Issue 108]. Pp. 96–100.

Lisicyna G.N., Masson E.M., Sarianidi V.I., Hlopin I.N. Itogi arheologicheskogo i paleograficheskogo izucheniya Geoksyurskogo oazisa [Results of the Archaeological and Paleographic Study of the Geoksyursky Oasis]. Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology]. 1965. №1. Pp. 9–23.

- Lunin B.V. K 70-letiyu M.E. Massona [To the 70th Anniversary of M.E. Mason]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1969. №2. №2. Pp. 126–129.
- Masimov I.S. Istoriya arheologicheskogo izucheniya Margiany [History of the Archaeological Study of Margiana]. *Kul'turnye cennosti: Mezhdunarodnyj ezhegodnik: 2004–2006: Central'naya Aziya v proshlom i nastoyashchem / pod red. R.G. Muradova* [Cultural Values: International Yearbook: 2004–2006: Central Asia in the Past and the Present. Edited by R.G. Muradov]. SPb. : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2008. Pp. 7–12.
- Masson V.M. Vostochnye paralleli ubejdskoj kul'ture [Eastern Parallels of the Ubeydskaya Culture]. *KSIA*. 1962. Vyp. 91 [Issue 91]. Pp. 3–13.
- Masson V.M. Strana tysyachi gorodov [The Country of Thousands of Cities]. M. : Nauka, 1966. 164 p.
- Masson V.M., Kirpichnikov A.N. Pamyati Igorya Nikolaevicha Hlopina (1930–1994) [In Memory of Igor Nikolaevich Khlopin (1930–1994)]. *Rossijskaya arheologiya* [Russian Archaeology]. 1997. №1. Pp. 238–245.
- Merpert N.Ya. Pamyati Gorislavy Nikolaevny Lisicynoj [In Memory of Gorislav Nikolaevich Lisitsyn]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1984. №2. Pp. 284–285.
- Panarin S.A. V korolevskom Afganistane. Stat'ya-vospominanie [In Royal Afghanistan. Article-Memoirs]. *Dialog so vremenem*. 2018. Vyp. 62 [Dialogue with Time. 2018. Vol. 62]. Pp. 329–362.
- Popov A.A. Greko-Baktrijskoe carstvo [Greco-Bactrian Kingdom]. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2008. 240 p.
- Pugachenkova G. Mihail Evgen'evich Masson – osnovatel' central'noaziatskoj arheologicheskoy shkoly [Mikhail E. Masson – Founder of the Central Asian Archeological School]. *Kumbez*. 1998. №1. URL: http://www.heritagenet.unesco.kz/kz/content/history/monument/turkestan/r13_masson.htm (data obrashcheniya: 04.05.2019).
- Pushkin A.S. Dva chuvstva divno blizki nam... [Two Feelings are Wonderfully Close to us ...]. *Sobr. soch. v 10 t. T. II. Stihotvoreniya 1824–1836* [Coll. in 10 Volumes. Vol. II. Poems 1824–1836]. M. : Pravda, 1981. Pp. 200.
- Rzhevskij forum. Tema: Kalinkino, sem'ya Parichka [Rzhevsky Forum. Theme: Kalinkino, The Parichka Family]. *Rzhev : Gorodskoj internet-portal* [Rzhev. City Internet portal]. URL: <http://rzev.ru/modules/phpBB2/viewtopic.php?t=1235&lofi=1> (data of address: 02.05.2019).
- Sarianidi V.I. Afganistan v epohu bronzy i rannego zheleza : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Afghanistan in the Period of Bronze and Early Iron: Synopsis of the Dis. ... Dr. Historical Sciences]. M., 1975. 55 p.
- Sarianidi V.I. Afganistan: sokrovishcha bezymyannyh carej [Afghanistan: the Treasures of the Nameless Kings]. M. : Nauka, 1983. 160 p.
- Sarianidi V.I. V poiskah strany Margush [In Search of the Country Margush]. *Priroda* [Nature]. 1976. №9. Pp. 92–103.
- Sarianidi V.I. Drevnie zemledel'cy Afganistana. Materialy Sovetsko-Afganskoj ekspedicii 1969–1974 gg. [Ancient Farmers of Afghanistan. Materials of the Soviet-Afghan Expedition of 1969–1974]. M. : Nauka, 1977. 172 p.
- Sarianidi V.I. Issledovanie pamyatnikov Dashlinskogo oazisa [Study of the Dashlin Oasis Sites]. *Drevnyaya Baktriya. Materialy Sovetsko-Afganskoj ekspedicii 1969–1973 gg. / otv. red. I.A. Kruglikova* [Ancient Bactria. Materials of the Soviet-Afghan Expedition of 1969–1973. Edited by I.A. Kruglikova]. M. : Nauka, 1976. Pp. 21–86.
- Sarianidi V.I. Keramicheskie pechi gorodishch drevnego Merva [Ceramic Kilns of Ancient Merv Sites]. *Sbornik studencheskih rabot SAGU* [Collected Works of Students from SAGU]. Tashkent : Izd-vo SAGU, 1953. Vyp. V. Issue V. Pp. 82–91.
- Sarianidi V.I. Nekotorye voprosy drevnej arhitektury eneoliticheskikh poselenij Geoksyurskogo oazisa [Some Questions of the Ancient Architecture of the Eneolithic Settlements of the Geoksyursky Oasis]. *KSIA*. 1962. Issue 91. Pp. 22–29.
- Sarianidi V.N. Novyj tip drevnih pogrebal'nyh sooruzhenij Yuzhnoj Turkmenii [A New Type of Ancient Burial Structures in Southern Turkmenistan]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1959. №2. Pp. 235–238.
- Sarianidi V.I. Raskopki v yugo-vostochnyh Karakumah v 1964 g. [Excavations in the Southeastern Karakum Desert in 1964]. *KSIA*. 1966. Issue 108. Pp. 89–95.
- Sarianidi V.I. Raskopki monumental'nyh zdaniy na Dashly-3 [Excavations of Monumental Buildings at Dashly-3]. *Materialy Sovetsko-afganskoj arheologicheskoy ekspedicii / otv. red. I.T. Kruglikova* [Materials of the Soviet-Afghan Archaeological Expedition. Edited by I.T. Kruglikova]. M. : Nauka, 1984. Vyp. 3. Issue 3. Pp. 5–33.
- Sarianidi V.I. Hapuz-depe kak pamyatnik epohi bronzy [Hapuz-depe as a Site of the Bronze Age]. *KSIA*. 1964. Issue 98. Pp. 60–65.
- Sarianidi V.I. Eneoliticheskoe poselenie Geoksyur [Eneolithic Settlement of Geoksyur]. *Trudy YuTAKE* [Proceedings of the YTAKE]. Ashkhabad : Izd-vo AN TSSR, 1961. T. X. Vol. X. Pp. 225–318.

Sarianidi V.I., Koshelenko G.A. *Za barhanami – proshloe* [Behind the Dunes is the Past]. M. : Nauka, 1966. 188 p.

Sarianidi V.I., Panarin S.A. Rec. na kn. [Review on the book]: *Investigations at Tal-i-Ibis*. M. Coldwell (Ed.). Springfield: Illinois State Museum Society, 1967 // *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1971. №1. Pp. 274–280.

Stankevich I.L. *Vospominaniya arheologa. Yaroslavl'*: Yaroslavskij gos. un-t im. P.G. Demidova, 2000 [Memories of an Archaeologist. Yaroslavl: Demidov Yaroslavl State University], 2000. 168 p. URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2450> (data obrashcheniya 08.05.2019).

Hlopin I.N. *Geoksyurskaya gruppa poselenij epohi eneolita. Opyt istoricheskogo analiza* [Geoksyurskaya Group of Settlements of the Eneolithic. Experience of Historical Analysis] M. ; L. : Nauka, 1964. 172 p.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 g. CHislennost' gorodskogo naseleniya soyuznyh respublik (krome RSFSR), ih territorial'nyh edinic, gorodskih poselenij i gorodskih rajonov po polu [1959 All-Union Population Census. The Urban Population of the Union Republics (except for the RSFSR), their Territorial Units, Urban Settlements and Urban Areas by Gemder]. Demoscope.ru. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg2.php (data of address: 10.05.2019).

DAFA Délégation archéologique française en Afghanistan. URL: <http://www.dafa.org.af> (access date: 16.08.2016).

Gerolymatos A. Εμφύλιος – Ελλάδα 1943–1949, ένας διεθνής πόλεμος. Διόπτρα, 2018. 448 σ.

Klapisis, Antonis. *Violent Uprooting and Forced Migration: A Demographic Analysis of the Greek Populations of Asia Minor, Pontus and Eastern Thrace* // *Middle Eastern Studies*. 2014. Vol. 50, No. 4. Pp. 622–639. DOI: 10.1080/00263206.2014.901218.

Luneau E. *Climate Change and the Rise and Fall of the Oxus Civilization* // L.E. Yang, H.-R. Bork, X. Fang and S. Mischke. *Socio-Environmental Dynamics along the Historical Silk Road*. Sham : Springer, 2019. Pp. 275–298.

Massacre of Distomo // *World Heritage Encyclopedia*. URL: http://www.worldheritage.org/articles/eng/Massacre_of_Distomo#cite_note-bbc-2 (date of access: 09.05.2019).

Shaw S., Shaw E.K. *History of Ottoman Empire and Modern Turkey*. Vol. II: Reform, Revolution and Republic: The Rise of Modern Turkey, 1808–1975. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1977. 518 p.

Topalidis, Sam. *The Relocation of Greeks from Pontos* // *History of the Movement of Pontic Greeks*. Preprint. October 2018. 15 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/328347090_History_of_the_Movement_of_Pontic_Greeks (access date: 02.05.2019).

Viktor Sarianidi – Obituary // *Telegraph*, 10.01.2014. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/10564751/Viktor-Sarianidi-obituary.html> (date of access: 09.05.2019).

Sergei A. Panarin

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

VIKTOR SARIANIDI: LIFE AS A SEARCH (article-memoirs about the great archaeologist)

Having excavated the so-called gold of Bactria, Viktor Ivanovich Sarianidi became the author of the largest archeological sensation of the 2nd half of the 20th century. Moreover, he was the discoverer of an entire regional civilization – the “Oxus civilization”, or the Bactrian-Margian archaeological complex. At one time, the author was fortunate enough to spend several field seasons with him in one detachment, one expeditionary camp. Two of them are described in the proposed text, combining the characteristics of a scientific article and memoir genre. This is the final season of work on the Eneolithic Site Geoksyur-1 in Turkmenistan and excavations at the site of the Bronze Age Dashly-1 and Dashly-3 in Northern Afghanistan. In both cases, the reader is offered, firstly, a brief description of these sites, and secondly, their interpretation, compiled primarily on the works of V.I. Sarianidi, thirdly, the author’s memories, with the help of which small additions are made to the descriptions and interpretation. However, the memories basically concern the impressions and episodes that happened during the excavations which allow the readers to see V.I. Sarianidi as a bright personality, as a person whose whole life was a creative scientific search.

Key words: Viktor Ivanovich Sarianidi, Turkmenistan, Northern Afghanistan, Geoksyur oasis, Dashly oasis, devotion to archaeology, life as a search.